

„тебѣ государю прибыл и славу добрую
во вся орды а себя в честь введем“.

Эти фразы отсутствуют в текстах XVIII в., представляющих собой книжную обработку „Сказания“, потому что для XVIII в. они являются архаизмами в смысле выражения целей и задач богатырей, а в тексте XVII в. связывают „Сказание“ с предшествовавшей ему устной традицией.

Богатыри говорят князю Владимиру:

„Сторожеми мы в землѣ не извадилис жить
не доведетца нам сторожами слыть“ (стр. 3),

и на 5 стр.: „не извадилис мы сторожеми стеретчи
только мы извадилис в чистом поле ѳздити побивать полки татарские“.

Эта фраза и у исследователей не вызывает сомнения в отношении ее „эпичности“, но она, собственно, ничем не отличается от предыдущей. Слова же „извадиться“ и „довестись“ — слова делового письменного языка, но языка позднего и отражающего живую речь; оба они в картотеке Древнерусского словаря АН СССР датируются XVI в., единичными цитатами.

Акад. А. Н. Веселовский уже указал соответствие в записях XIX в. для следующих стихов „Сказания“:

„не пригож вамъ в тѣ поры проч отехати
а меня вам государя покинути
одново в киеве“ (стр. 5—6).¹

Дальнейшее изложение ведется в „Сказании“ в хорошо известных нам по записям XIX—XX вв. формах: синтаксический параллелизм стихов, отнесение на конец стиха глагола или прилагательного, стоящего после существительного. Эта твердая система нарушается изредка перестановками слов или перифразами.

Наличие в тексте „Сказания“ XVII в., даже в „общих местах“, деталей, отсутствующих в записях былин XIX—XX вв., объясняется позднейшей утратой их, потому что, обычно, эти детали касаются тех реалий, которые имеют основание в живой практике XVII в. „Красный перепускной булат“, „голубой скорлат“, „шубы подасамиты“ (аксамиты), „терлики камки венецкие“ — можно найти в самых разнообразных перечнях и описаниях XVI—XVII вв., тогда как для XVIII в. они становятся архаизмами, а в XIX в. исчезают даже воспоминания о них.

„Сказание“ (текст XVII в.) отличается от письменных памятников XVII в. чрезвычайным обилием слов: 1) встречающихся только в памятниках деловых, бытовых, и 2) наличием слов с резкой диалектной окраской, а поэтому либо совсем не зарегистрированных письменностью в XVI—XVII вв., либо встречающихся в ней только в записях фольклора (мешкать, кручинovat, стерпчивы, закручинился, охочь, ладится — „меж очима у него стрела ладится“, прытость, нажурить, гаркнуть, и т. д.). Эти слова проникают в письменность либо через записи фольклора в XVII—XVIII вв., либо в единичных случаях через памятники, отражающие бытовые, диалектные черты; поэтому почти все перечисленные слова обычно отсутствуют в „Материалах“ Срезневского, а в картотеке Древнерусского словаря АН СССР представлены единичными цитатами.

По отношению к записям былин в XIX—XX вв., мы находим в „Сказании“, — даже в привычных твердых сочетаниях, элементы,

¹ А. Н. Веселовский. Южно-русск. былины, X, СПб., 1884, стр. 367.